

18+

Людмила Андреева

*РОЗЫ СЛАВЫ
И
ЛЮБВИ*

Людмила Андреева
Розы славы и любви

«Издательские решения»

Андреева Л.

Розы славы и любви / Л. Андреева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518039-1

Путь славы и любви тернист... Миша выбрал музыку, которая и определила его жизненный путь, путь сложный в межличностных отношениях.

ISBN 978-5-00-518039-1

© Андреева Л.
© Издательские решения

Содержание

I	6
II	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Розы славы и любви

Людмила Андреева

© Людмила Андреева, 2021

ISBN 978-5-0051-8039-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Розы славы и любви

I

Колеса поезда мерно постукивали в такт. Новоиспеченная семья Беловых ехала на Север, в надежде заработать на квартиру и, как говорили их родители, покрепче встать на ноги. Дома же, оставался несовершеннолетний братишка Коля – озорной подросток и баловень деревенских девчонок. Иван, отслуживший на Морфлоте и относительно недавно вернувшийся под отчий кров, взял в жены худенькую и белокурую Рину, фельдшерицу местного медпункта. Решивши на семейном совете отделиться от родителей, они собрали чемоданы и ринулись в путь.

Иван кинул нежный взгляд на спящую девушку... за время службы, она ему написала столько ласковых писем, что впору было самому завидовать своему счастью. Ведь ему несказанно повезло, что он добился ее расположения! Рину прислали в их деревню всего за пару месяцев, как Ивана забрали служить. Они толком-то и не успели познакомиться. Но на проводах, в ответ на предложение стать его девушкой, согласилась писать Ивану и ждать. Ждать с нелегкой солдатской службы. Ее хрупкий облик мгновенно вставал перед глазами, как только кто-нибудь из ребят упоминал имя своей зазнобы. Сама она была в семье – единственной, мать вырастила Рину одна. Отец пропал без вести в финскую войну.

Вздыхнув, молодой муж снова уставился в окно, где сгущались густые сумерки и, очерчания стремительно пробегающего леса становились все более размытыми сливаясь с окружающим его пространством. Весна в этом году чуток припозднилась, и Иван не смог родителям помочь с копкой огорода. Земля еще не поспела, рановато ее трогать, можно испортить... А жизнь – не будет ждать, как ни говори, у него теперь семья!

«Семья...» — пронеслось в голове у Ивана. Он усмехнулся, вспомнив первую встречу с будущей женой. Зашел в амбулаторию с приятелем за компанию, любопытно стало посмотреть, все-таки, появился новый человек в их деревне.

– Здравствуйте вам, — приятель сдернул с головы кепку и сунул ее подмышку. — Как вы, тут, живете-можете?

Девушка в белом халате и косынке улыбнулась:

– Ничего живем, хлеб жуем и водичкой запиваем. ...Проходите, я вас – слушаю.

Ребята, переглянувшись, нерешительно направились к застланной белой коленкоровой простынею кушетке и сели.

– Да мы – не по делу. А так...

– Ну, раз так... — она окинула ребят веселым взглядом. — Что ж, у нас сейчас посетителей нет, вызовов – тоже. Можно и так...

Она была разговорчива и вела себя очень непринужденно и естественно, молоденькая и симпатичная, только что окончившая фельдшерские курсы. Не то, что они, простые деревенские ребята, у которых за плечами и знаний-то особых не было, разве что школа, оконченная по весне. А Рина – девушка приезжая, городская и образованная. Любому польстит ее внимание. Правда, они тоже, не лыком шиты и женихи завидные, работающие. Статные и внешне – без изъяна. Знали себе цену. Но, Иван – не кривя душой, мог сказать, что в деревне у них, девушки подобной Рине – не сыскать!

Что ни говори, а повезло ему, повезло! Ну а теперь, ему надо думать о завтрашнем дне, о том, что их ожидает. Но он, конечно же, не мог знать, что по приезду на место, их поселят в деревянном бараке, маленькой комнатухе с тонкими фанерными перегородками. И то, что он будет, как проклятый вкалывать в леспромхозе по две смены кряду и кормить сладкой молодой кровушкой ненасытную и назойливую мошкарку. Что только года через три, начальство соизволит им выделить нормальное жилье. Ему, Ивану – как передовику производства, а Рине – как специалисту-медику...

Первое время, они виделись мало. Он вечерами усталый возвращался домой и не чаял добраться до подушки. Валился на кровать и засыпал мертвецким сном. Деревенский народ к физической работе привычный, но все же возможно, что именно эта работа впоследствии аукнулась на его здоровье. Иван не дожил и до сорока, сердце остановилось тогда, когда, казалось бы – живи да радуйся!.. Но, не будем забегать вперед.

И так, семья Беловых получив небольшую, но относительно благоустроенную квартирку в двухэтажном кирпичном доме, решила завести наследника. Вернее, на это наконец-то решилась жена. Она его осчастливила долгожданным известием, что ждет ребенка. Иван от радости подхватил Рину на руки и закружил по комнате. Ведь грешным делом он стал задумываться о том, что здоровье у кого-то из них не позволяет заводить потомства. Только, все оказалось гораздо прозаичнее. Словно камень с души у него свалился. Шутка ли, почти четыре года прожили они вдвоем, а не было даже и намека со стороны жены. Разговоров на эту тему Иван не заводил, опасаясь узнать то, что ему не хотелось услышать. И вот, это произошло!

Когда Рина родила мальчика, богатыря весом почти под четыре кило, Иван весь светился от счастья!

Он завалился в общежитие к ребятам из своей бригады, с возгласом:

– Ребята, у меня сын родился! Представляете, сын!.. Сын!.. — и, с воодушевлением, стал отплясывать нечто среднее между «Яблочком» и «Барыней».

– О-о-о!.. — послышались со всех углов комнаты одобрительные крики. — С тебя причитается! С новоявленного папаши – магарыч!

– За мной это – не заржавеет, — широко и чуточку глуповато улыбаясь, Иван направился к стоящему у окна столу. Вынув из-за пазухи две поллитровки, прозрачной как слеза, водки, он поставил их на столешницу. А из карманов полушубка стал вытаскивать немудреную в таких случаях закуску: пару банок кильки в томатном соусе. — Налетай, братва! Пацана обмывать будем! Мужик родился, в нашем полку прибыло!..

Иван скинул верхнюю одежду и бросив ее на близстоящую койку, сел на табурет к столу. Взяв со стола лежащий нож, принялся откупоривать бутылку. На столе оказался хлеб, в миг пожаренная на электрической плитке – глазунья и, порезанное крупными кусками соленое свиное сало. Ребята уселись вкруговую к столу, кто сидел на кровати, кто на табурете, а кто и просто стоял на своих двоих. Комната гудела как улей, когда туда вошел старший по общежитию.

– Что за шум, а драки нет?.. — пробасил тот и углядев накрытый стол, плотоядно начал потирать руки, а правый глаз у него аж нервно задергался. — Что отмечаем-то?

– Да вот, у Михалыча – пополнение в семье!.. — наперебой загалдели ребята.

– Это – хорошее дело, — пробасил старший по общежитию, направляясь к виновнику торжества сидящему к нему спиной. — В наших краях, молодые папаши проходят вот такое крещение, — и, он схватил Ивановы уши и сдвинул их ладонями, пытаясь таким образом поднять виновника торжества за голову.

Иван, не ожидавший подобного оборота, приподнялся с табурета пытаясь хоть как-то облегчить состояние. Ему казалось, что у него готовы глаза из орбит вылезать от боли. Тут, держащий его за уши, внезапно разжал ладони, и Иван изо всех сил брякнулся на пол мимо табуретки.

– Добро пожаловать в ряды отцов, папаша!.. — благословил его старший по общежитию. Иван в ответ только выругался матом. Старший, пряча улыбку в соломенного цвета усах, вновь пробасил: — Это, не мной заведено! Обычай такой! Я тоже трехэтажно матюгнулся, когда меня, вот так вот, окрестили!..

Молодой папаша щупая свои багрового цвета уши, встал с пола и подняв опрокинутую табуретку, буркнул:

– Кто только придумал такое крещение! Я бы ему по шеям наkostenял за такую гестаповскую пытку!.. — ребята вновь одобрительно загалдели, заглушая невольнo вырвавшиеся

смешки. — Тут не только трехэтажно выругаешься, а и всех, пожалуй, до десятого колена, помянешь недобрым словом!..

— Ну, сколько ж можно гуторить? Давайте, наконец-то обмоем пацана!.. — взмолился хохол Никита.

— А что, у тебя – нутро полыхает?! Требует сто грамм?.. — насмешливо произнес черно-волосый Митька, помощник бригадира. — Щас, зальем!

Все взяли по стакану и чокнулись. На свет появился человек и, это – надо отметить!

...Отлично же они тогда посидели с ребятами. Благо была суббота и, назавтра выходной, бухали допоздна, а на утро – голова шумела так, что упаси Боже! Пришлось лечиться. И лечиться тем, от чего и заболел. Хорошо, что Рина этого не видела, а то бы, нахмурила красиво изогнутые брови и насупилась. Правда, когда изредка случалось так, что Иван приходил домой слегка на бровях, она ему никогда ничего не говорила, только угрюмо молчала. Но Ивану хватало и этого.

Он извиняющимся тоном выговаривал:

— Я только чуть-чуть... — и пытался показать эти чуть-чуть. — Неудобно отказаться было... ведь, свои же ребята, вместе работаем... — и, после этих слов, сразу ложился на диван и засыпал.

Когда в квартире поселился их малыш, у них стала совершенно иная атмосфера, дом наконец-то приобрел значение настоящего дома, родного очага. Очага, где его всегда ждали любимая жена и маленький сынишка, которого назвали в честь деда – Мишей. Неповторимый уют семьи манил Ивана так, что по утрам он буквально насильно выталкивал себя из квартиры, мысленно говоря, что это лишь до вечера... вечером, он вернется сюда, чтоб снова взять пухленького Мишутку на руки, росшего прямо на глазах. Вот, он начинал улыбаться, узнавая голоса и лица родителей. Вот, он начинает гукать и повторять вслед за близкими гласные буквы, при этом смешно вытягивая пухленькие губки. Вот, он делает попытки дотянуться до висящей над ним игрушки. А вот, он пытается самостоятельно перевернуться со спинки на животик... или же, вот его поставили легонько на ножки, еще такие слабенькие, но Мишутка уже пытается вышагивать. Ему это так понравилось, что когда Иван оторвал сынишку от поверхности стола, тот стал делать шаговые движения в воздухе... Особенно, Мишутке нравилось лежать голеньким на столе и принимать воздушные ванны. Он довольный лежал на животике и живыми голубыми, как у матери глазенками поглядывал на окружающие его предметы. Иван удивлялся чуду, происходившему на глазах. Этот маленький человечек постепенно осваивая окружающее пространство, становился властелином мира и тех, кто жил рядом с ним, кто день ото дня его терпеливо и кропотливо пестовал. Ребенок превращался из маленького и писклявого существа в живого кукленка, со своими растущими потребностями. Взгляд малыша принимал более осмысленное выражение и, устремившись в какую-нибудь сторону, казалось, говорил: а это – что такое и с чем его едят?

— Ну, что?.. Куда пойдём?.. Где мы с тобой еще не были, а?.. — беря на руки сынишку, спрашивал Иван. Засунул в рот пустышку и, когда тот с силой выплюнул ее так, что она залетела под диван, засмеялся и восторженно прокомментировал: — Правильно! Не затыкайте мне рот! Чего ты сам, мол, спрашиваешь и в рот всякую гадость суешь?!

Рина подняв с пола пустышку улыбнулась:

— Это ему просто сейчас – не нужно. А вот попробуй без этой, как ты говоришь, гадости – усыпить его! Ни за что не успокоится! Требует свое!

— Характер выказывает!.. — гордо произнес Иван. — Мы, ведь, тоже – люди, мы тоже – человеки! И, давай нам то, что положено!..

Иван своеобразно приноровился держать сынишку подмышкой и похоже, что тому это очень нравилось. Мишутка только вертел в разные стороны головенкой и побряхывал. Первое время Рина испугано, со словами: «что ты делаешь, ненормальный?! Уронишь же...» бросалась

вызвать ненаглядное чадо из рук молодого папаши. Но потом видя, что малышу вроде как и нравится такое необычное положение, успокоилась. Разве что, после кормления запрещала держать таким образом.

– Иначе, он все отрыгнет! — Рина вытирала его пухлые розовые щечки платочком.

А Иван снова обращался к сынишке:

– Слышишь, что мамка сказала?.. — он легонько нажал на кнопочку маленького носика, малыш улыбнулся беззубым ртом и залез к отцу своими ручками в рот. — Ну, какие же у тебя пальчики вкусные! Я вот, сейчас их у тебя съем!.. — и принялся щекотать его ладошку губами, а тот прямо-таки заливался смехом.

Да, чудно было наблюдать, как растет их сын. Его сын... первый шаг, первое слово... Эти моменты – воедино связаны со всем личным, неотделимым от биографии самого Ивана. Тем, что входит в жизненный багаж – прошлого, настоящего и будущего. Все это индивидуально и неповторимо в восприятии каждого. Каждого, кто живет на этом свете.

Став бригадиром Иван решил учиться дальше. Поступив на заочное отделение, автоматически поднялся по карьерной лестнице. Выбрали депутатом вначале горсовета, потом области. Все в жизни складывалось как нельзя лучше. Во всяком случае, он был доволен, если не всем, то многим. В отпуск, всей семьей они срывались на родину, к родителям. Частенько ездили отдыхать на море, в Крым... Мишутка бегал по пляжу голенький, лишь в панамке. Став побольше – любил возиться в прибрежном песке, строя замки и города.

Иван заметил особенность сынишки. Стоило ему услышать мелодию, льющуюся из репродуктора – то сразу замирал и ловил всем существом звуки. Волшебные звуки очаровывающие его.

– Рина смотри, смотри на нашего Мишку!.. — обратил внимание жены на сына. — Похоже, у нас с тобой растет будущий музыкант!

– С чего ты взял, что именно из-за музыки это... — озабочено, покосилась на Ивана жена. — Может, помимо музыки он что-то услышал...

Иван подошел к радиоприемнику и выключил его звук. Сынишка удивленно посмотрел по сторонам и скривил губки, собираясь зареветь. Но тут к нему подошла Рина и сунула в руку игрушку. Отвлекла внимание. Прошло несколько секунд, и Иван снова прибавил звук. Мишутка бросил игрушку на пол и уставился на черную коробочку висящую на стене.

– Видишь, видишь, что творится с ребенком?! Придется нам с тобой это учесть...

– А что тут учитывать? Маленькие дети ко всему тянутся... Они способные к обучению. Но я против того, чтобы специально тянуть за уши ребенка к какому-то занятию. Мы можем сейчас только давать возможность слушать музыку, развивать его вкусы и пристрастия, но свою привязанность он должен выбрать сознательно, сам. Так что, я не вижу вопроса... — Рина улыбнулась глядя на сына, который пытался подвливать попкой в такт музыке. — А это у него откуда? Видишь?! Просто, он растет!.. Вот и все...

Нет, не все. Иван с этим не согласен. Определенно, у ребенка была склонность к музыке. Этого нельзя отрицать. И он, стал приносить домой пластинки. Когда Иван ставил ее в проигрыватель, Мишутка, ставший к этому времени вполне сносно ходить, подходил к отцу, вцеплялся ему в ноги и слушал музыку, словно боясь пропустить мимо себя льющуюся мелодию. Народные песни, эстрада, классика, джаз... – без особого разбора. Рина морщилась, но ничего не говорила. Пусть, мол... но, в конце концов, предложила сделать некую систему.

– Ты его сейчас заставляешь слушать, что ни попадя и, в его голове не сформируется никакого вкуса... представляешь, какую кашу сейчас ты завариваешь?!

– Ну, а что теперь делать? Ребенок тянется к музыке, зачем же его лишать... — обескуражено пробормотал Иван.

— У нас с тобой нет музыкального образования, и, мы можем навредить, понимаешь?
— Рина посмотрела на мужа. — Может, он сам подрастет и выберет то, что ему нужно... а, сейчас, пусть все идет, как идет...

— Ты, предлагаешь пустить все на самотек?..

— А ты – что можешь предложить?.. — вопросом на вопрос ответила жена. — Говорю же, как бы не сделать хуже... Он же сейчас как пластилин – лепи, что хочешь... но, не слишком ли мы с тобой спешим, торопимся?.. Или же, давай ему слушать определенную музыку. А то, все в одну кучу валишь! Говорю же, пусть все идет как идет, а станет чуть побольше – отдадим Мишутку в музыкальную школу.

«Рина, скорей всего права... — Иван смотрел, как сынишка возился с игрушками на полу. — В школе учат по программе... а, что я могу дать ему в этом отношении?..» У них в деревне урока музыки вообще не было. Если не считать редких занятий пением под бала-лайку школьного завхоза, по совместительству. Это сейчас – все условия для детей создают, а во времена его детства в их деревне о таком и не мечтали. К тому же была война, которая все занимала собой. Все они, – и стар и млад, жили по девизу: «все для фронта, все для победы!» Скидок не было никому.

Со временем, Мишуткина тяга к музыке стала до того явной, что переехавшая жить к ним бабушка (мать Рины) стала всерьез называть внука не иначе как музыкантом. Тот из своих ручонков не выпускал маленькой гармошки, подаренной на день рождения отцом. То и дело пиликал на ней, и со временем, у него стали выходить более-менее стройные звуки, хоть и весьма отдаленно, но похожие на некоторые популярные мелодии...

— Нет, определенно, его нужно записать в музыкальную школу!.. — заявила, наконец, бабушка. — У ребенка – дар и, негоже, чтобы он зачах! — ...так что, Мишутка, с новой скрипкой в руках, пошел в музыкальную школу раньше, чем в обычную...

Ну, естественно, когда получаешь то, что тебе нравится – с лихвой, интерес и тяга к нему спадает... так и у маленького Миши. Через некоторое время, ему прискучило все это, и он тайком стал пропускать занятия. Не так, чтобы очень, а понемногу. Не мог отказать себе погонять мяч с мальчиками из соседнего двора, аккуратно положив скрипку на траву возле небольшого куста. Мальчик он ответственный, весь в отца. Миша не хотел огорчать родителей днями пропадавших на работе, старался. На бабушке лежало все их немудреное хозяйство, в том числе и забота о любимом внуке. Вскоре они стали иметь общие тайны.

Как-то раз (наверное, еще учась в классе третьем или четвертом) Миша катаясь с друзьями на велосипеде неподалеку от дома, оказался в небольшом перелеске, где и наткнулся на грибы. Там Миша набрал целый целлофановый пакет и когда повез его домой, не заметил выпирающий маленький выступ на конце бордюра. Со всей скоростью он налетел на него так, что вылетев из седла сделал головокружительное сальто и оказался распластанным на асфальте. В голове у него отчаянно зазвенело. Придя через какое-то мгновение в себя, он увидел обступивших его испуганных товарищей. Автоматически сев, он машинально провел рукой по животу и поднял ее к лицу. На руке была кровь. Находясь в шоке, он медленно встал на дрожащие ноги и пошел по направлению к дому. Двое его друзей помогли ему с велосипедом – подняли его на четвертый этаж, где в то время жил Миша со своей семьей.

Когда дверь открыла бабушка, он стараясь сохранить невозмутимость, протянул ей мешочек с белыми грибами и тихо произнес:

— Свари, пожалуйста, суп...

Бабушка, увидев внука в порванной на животе рубашке и всего окровавленного, с распоротым животом, всплеснув руками ужаснулась:

— Убился!.. Господи, мальчик мой!.. Как же это ты, а...

— Я тут упал и поцарапался маленько. Ты, бабуля, только маме ничего не говори, ладно?.. — и пошатываясь, направился в ванную комнату.

В ход пошли все домашние запасы йода и зеленки... и, надо воздать должное, он мужественно вытерпел все процедуры обеззараживания внушительной раны, которую пришлось зашивать в школьном медпункте. Конечно же, произошедшее нельзя было совсем утаить от родителей, но они обо всем узнали значительно позже, когда рана уже затянулась. Ито, совершенно случайно, от соседки, матери одного мальчика бывшего с их компанией. Все тайное, когда-нибудь да становится явным...

– Так, товарищ партизан, – сказала вернувшаяся с работы Рина. – Ну-ка, признавайся, что же произошло с тобой?..

Миша хлопая глазами недоуменно спросил:

– Когда?

– А то, ты не знаешь?! – Рина строго посмотрела на сына. – Почему, обо всех происшествиях я должна узнавать от чужих людей?.. – тут она обернулась к матери. – А ты – куда смотришь, мама? Почему ты молчишь о том, что наш Мишка распорол свой живот?..

Бабушка взглянув на покрасневшего, до самых кончиков ушей, внука простодушно произнесла:

– Чай, все обошлось! Зачем вас зря беспокоить ерундой!..

Рина взорвалась:

– Ерундой?.. – она быстро подошла к стоящему в двух шагах сыну и выдернула из-за пояса спортивных брюк заправленную рубашку, задрав ее на обнажившимся шраме, красовавшемся наискось живота. – И это безобразие – ты называешь ерундой? А, ведь могло бы быть и гораздо хуже!..

– Но мама, у меня же все зажило, зачем говорить о том, что не стоит внимания... – робко произнес Миша. – Я уже не маленький, чтобы бегать со своими жалобами к тебе...

– Запомни раз и навсегда, что все касающееся тебя – для родителей заслуживает не только пристального внимания... – она тряхнула его за плечи и смотрела прямо в детские глаза. – Пойми, мы с папой всегда будем тревожиться за тебя... Ты наш сын. Для нас – ты наше будущее и все, что происходит в твоей жизни – это все непосредственно касается и нас! – Рина прижала к себе голову сына и поглаживая его вихры произнесла: – Пожалуйста, не забывай это...

– Мама, ты только не сердись, пожалуйста... – он шмыгнув носом, – Я хотел сказать, но боялся, что ты будешь нервничать и ругаться... а, бабушка тут ни при чем. Это я ее попросил, чтобы она тебе ничего не говорила.

Отец одобрительно хмыкнул. Все это время он молча наблюдал за происходящим. Ему нравилось, как сын вел себя. Уже видна была его самостоятельность в поступках. Он не держался за мамкину юбку и старался, как мог отвечать за свои поступки...

Короче, Мишино детство, в общем-то, ни чем и не отличалось от детства многих ребятшек. Он и озорничал и хулиганил. В чем-то был ужасно непоседлив и шаловлив... все было, как и у всех.

II

Став побольше, у Миши появилась мечта – приобрести гитару. И он, решившись купить ее, устроился на летние месяцы носить телеграммы. Каждый день проходя мимо универмага, он рассматривал ее лакированные бока с белыми кружочками на грифе за стеклянной витриной. Постояв минут пять, Миша торопливо направлялся по делам, мысленно говоря себе, что совсем скоро он будет держать эту красавицу в руках. Так и случилось. Он принес ее домой вместе с немудреными подарками домочадцам. Бабушке – нарядный платочек на голову, матери – духи «Красная Москва», а отцу – затейливо изогнутую трубку для курения... выложив покупки на стол и раздав их близким, Миша удовлетворенно вздохнул.

– Спасибо, внучек! С первой зарплатой тебя!.. – бабушка растроганно расцеловала его, а Рина только и прижалась к нему щекой. Сын догнал ее ростом.

А отец набив табаком новую трубку и с удовлетворением зажав ее зубами, затянулся ею. Неторопливо, растягивая слова, произнес:

– Сын-то, у нас вырос уже, мать!.. И мы, похоже, можем за него гордиться!..

Миша покраснел. Ему было приятно слышать похвалу отца. Тот всегда больше отмалчивался, старался не комментировать поступки и действия сына. А тут... вообще-то, Миша всегда полагался на интуицию, которая его редко подводила, словно предчувствуя отцовское одобрение или недовольство к поступкам и действиям. Немногословный и сдержанный, он был авторитетом для сына. Их взаимоотношения строились на уважении и, Мише очень хотелось походить на него, хотя бы внутренне... а внешне, он смахивал больше на Рину. Светловолосый, худощавый, с тонкими и правильными чертами лица. У Ивана-то, и волос темный, и скулы широкие – полная противоположность жены. Незнакомый человек с первых же минут общения чувствовал себя так, будто знал его всегда. Сила их обаяния была столь велика, что моментально рушила любые стены агрессии и враждебности. Миролюбивый нрав и добродушие – неизменное душевное качество характера мужчин семьи Беловых, за которое ценили их близкие и друзья.

Новое увлечение гитарой захватило Мишу целиком. Он не выпускал ее из рук. Неторопливо перебирая струны, он часами мог подбирать мелодию для слов, которые складывал в незатейливые тексты собственного сочинения. Так у него стали рождаться песни. Он пел их своим друзьям-товарищам во дворе, на школьных вечерах и дома для гостей... Его неокрепший еще голос захватывал собой, заставлял вслушиваться в звучащую мелодию и вдумываться в каждое слово, западающее в глубину души. Казалось, что он поет именно то, что чувствуешь ты и именно твоими словами. Это была магия. Магия слов и музыки. Магия песни, в которую человек вживается всеми фибрами души и, где начисто размывается грань между твоими чувствами и чувствами самого автора.

После очередного школьного вечера, к Мише подошла девочка из параллельного класса и воодушевленно произнесла:

– Спасибо тебе за твои песни.

Миша иронично произнес:

– Кушай на здоровье!

– Я тебе серьезно, а ты... – в ее голосе послышались нотки обиды.

– И я – серьезно... – он посмотрел на девочку, которая как ему показалось, вот-вот заплачет. – Просто понимаешь, у меня привычка – ко всему относиться с юмором...

– И к своему творчеству?..

– А к своему, как ты говоришь, творчеству – и подавно! – Миша улыбнулся.

– Я и не думала, что ты так несерьезно относишься к своему таланту... – она глубоко вздохнула.

– А, по-твоему, мне надо задрать кверху нос и сделаться похожим на напыщенного индюка?.. – он надул щеки и задрал подбородок кверху. – Так что ли?

Девчонка весело рассмеялась:

– Ну, нет... я не это, имела в виду. Просто, я от чистого сердца хотела тебя поблагодарить, к тому же сделать тебе приятное, а ты так отреагировал... – и она растерянно замолчала.

На Мишиных щеках проступил румянец.

– Знаешь, каждому, конечно, приятно услышать похвалу в свой адрес. Только, если все воспринимать столь серьезно, без некоей доли самоиронии, недолго и в самом деле зазнаться, закопаться в самолюбование. Ах, какой я хороший и распрекрасный!.. это, по-моему, нехорошо... и потом, я же ничего сверхъестественного не сделал. Просто пою о том, что мне близко и дорого, что меня тревожит... – Миша вздохнул. – Я, правда, рад. Рад, что тебе понравилось. Только не надо снова говорить, что у меня талант и все такое... – он поморщился.

– Почему?! – она искренне непонимающе посмотрела на него. – Тебя природа одарила таким даром, а ты, получается – не ценишь этого!

– Нет, ну как ты не поймешь элементарного... – он жалобным взглядом окинул окружающее пространство. – Я, конечно же, ценю эту мою способность, или лучше – возможность самовыражения, но не хочу ставить ее во главу угла. Не хочу. Я просто хочу быть самим собой. Делать то, что мне по душе, что мне нравится.

– Лю-юсь!.. – к девчонке подбежала подруга и, схватив ее за локоть, потянула к себе. – Я тебя везде обыскалась!.. – и чуть понизив голос сквозь зубы добавила: – Познакомь...

Люся смутилась:

– Миша, это моя подруга, Таня...

– Очень приятно! – Миша вежливо улыбнулся. – Тебя, значит, Люсей зовут? Понятно. А то, сколько учимся под одной крышей, а имен и не знаем...

– Ну допустим тебя-то, как зовут – все знают. А вот ты у нас такая знаменитость, такая знаменитость, где уж тебе знать как нас серых пташек зовут... – жеманно произнесла Таня.

– Да уж, настолько знаменит, что скоро, боюсь, проходу не будут давать... – шутиливо буркнул Миша. – Ох и чует мое сердце, что придется мне перебираться на необитаемый остров для постоянного местожительства!..

– Это почему же?.. – не стовариваясь одновременно произнесли девочки. А Таня добавила: – По-моему, это так приятно, когда тебе уделяют внимание и все узнают! Слава, известность...

– Знаешь, что я тебе скажу? – Миша хитровато прищурился. – Ответь мне на один вопрос. Что ты больше всего на свете любишь?

– Ты что имеешь в виду? – Таня широко раскрыла глаза.

– Я тебя спрашиваю, что ты любишь... ну, например, конфеты, мороженное, пирожное...

– А-а, ну кто ж, этого не любит?! – Таня с некоторым разочарованием вздохнула. – Была бы моя воля, я бы каждый день – на завтрак, обед и ужин ела бы разные сладости... шоколад, конфеты трюфели и «Мишка на севере»... – Люся тихо хихикнула.

Миша с любопытством посмотрел на девочек:

– Не-а!.. Это только сейчас ты так говоришь! Тебе быстро это надоест. Приестся!.. Через какое-то время, ты даже смотреть на это не захочешь! Так же и со славой...

– Ой, ли? – Таня скептически рассмеялась. – Покажи мне того человека, которому это может приестся? Не верю!..

– Далеко ходить не надо! Он перед тобой! – Миша скромно потупил взгляд. – Все это внимание – быстро приедается.

– Тебе – приелось внимание окружающих?.. – недоверчиво произнесла Таня. – Брось кокетничать как девчонка! Ни за что не поверю!

– Я не сказал – приелось. Я только говорю, что не нравится. Слава и известность так обременительна, что порой хочется бесследно исчезнуть, испариться... потому что такой человек должен соответствовать тому образу, который создают его поклонники. А у тебя свои слабости и привычки, которые не всегда совместимы с общепринятыми образцами, эталоном поведения. Короче, я предпочитаю всего этого не замечать. Я такой же, как и все – не хуже и не лучше!.. – подводя итог разговору и вздохнув Миша бросил девочкам: – Ладно, мне пора идти. Еще увидимся... – и направился к своим ребятам, группкой стоящим неподалеку.

Он не кривил душой говоря, что ему не нравится то внимание, которое оказывали окружающие. Эта слава местного вундеркинда-музыканта делала его неким образом рабом своего таланта. Миша не мог полностью располагать собой в то время, когда его друзья были свободны как ветер в поле. Его день был расписан буквально по минутам. Школа, домашние дела, ежедневные занятия музыкой... к тому же, негласная обязанность быть участником чуть ли не всех школьных мероприятий, включая посещение Дома Культуры, где Миша играл в ансамбле на бас-гитаре. Он чувствовал себя обычным человеком, ему хотелось просто жить и заниматься делом, которое нравилось. А излишнее внимание мешало ему сосредоточиться, отвлекало и надоедливо стучалось со всех сторон. Особенно томные, заинтересованные взгляды местных девчонок, которые шушукались за его спиной напропалую перемывая бедные косточки «ни в чем неповинного создания». Так Миша отшучивался перед друзьями, которые не доверяли этим словам, то и дело подкалывая всевозможными знаками обожания со стороны прекрасного пола. Но Миша старался не обижаться на эти выходки, хотя порой так хотелось... взять хотя бы их мнение, что он баловень судьбы и девчонки к нему липнут как мухи на мед...

– Нужен я им только ради того, чтобы потешить самолюбие!.. – горячился он убеждая закадычного друга, жившего с ним на одной лестничной площадке. – А я хочу по настоящему, понимаешь?!

– Ха!.. Дурак, ты, Мишка, в таком случае! – Толя недоверчиво ухмыльнулся. – Я бы, на твоём месте – пользовался этим преимуществом! Рыбка-то, сама к тебе плывет! Тебе ничего делать не надо! Только собирай плоды... они же сами, за тобой бегают!

Впрочем, он давно перестал откровенничать даже со своим самым близким другом. Ибо как только собирались они всей компанией вместе, открывалась лишь одна тема – девчонки и их прелести. Каждый начинал нести несусветную околесицу, что Мише ничего не оставалось делать, как многозначительно помалкивать. Врать, возводить напраслину на кого-то, не хотелось. А делиться... чем? Если бы он с кем и поцеловался – то не стал бы это обсуждать. Не стал! По крайней мере, это не по-мужски. Чувство собственного достоинства он имел. И умел, как ему казалось, вести себя с девчонками, которые хотели бы дружить... но, признаться, ему было страшновато. У него в душе еще сидел тот робкий и наивный ребенок, который пока еще не хотел вылезать из своей уже треснувшей скорлупки. Этот ребенок смотрел на мир большими серьезными глазами и не хотел взрослеть. И он понимал, что все равно настанет время, которое насильно вытряхнет его из маленького и уютного убежища. И оно неумолимо приближалось...

Как-то, Рина стояла у окна. Увидев сына идущего с какой-то девочкой, она с некоторым удивлением произнесла:

– Вот тебе и на!.. Я-то думала, что у нашего Мишки – еще на уме только машинки... а, он уже и с девочками ходит!..

– Господи, до каких это пор, он у тебя должен в машинки-то играть?.. – в голосе матери Рины послышалась ирония. – Со своей работой, похоже, вы с мужем окончательно забываете, что вашему сыну уже шестнадцать... – она заглянула в окно. – Это, должно быть Люсенька, из параллельного класса...

– А ты – что, ее знаешь?.. – еще больше изумилась Рина.

– Да, она была у нас несколько раз... – спокойно ответила та. – Я еще ее пирожками угощала, хорошенькая девочка, скромница...

– Скромница?.. – эхом повторила Рина. – Знаем мы, какие они сейчас скромницы, глазом не успеешь моргнуть, превратят в бабушек!.. Ты-то, хоть не оставляй их одних в квартире, мама... натворят дел, потом расхлебывай – родители... – тут в дверь позвонили и Рина ринулась в прихожую открывать дверь. Миша, видно не ожидавший, что в такое время, мать сама откроет дверь, прямо остолбенел. – Ну, чего встал?.. Проходи! И, гостью свою – зови...

Они робко вошли в прихожую.

– Ма, это – Люся... – как-то стушевано произнес Миша и представил мать подруге: – А, это – моя мама...

– Здравствуйте! Очень приятно... – пролепетала Люся, и ее щеки залил румянец.

– На улице-то, небось, морозно?.. – подала голос вышедшая в прихожую бабушка.

– Да, мы – замерзли, пока дошли с остановки. – Миша повесил пальтишко на вешалку и помог снять Люсе шубку из кролика.

– Ну, тогда, я пошла ставить чайник... – и бабушка скрылась на кухне.

...Вечером состоялся серьезный разговор, и его инициатором стала Рина.

– Тебе еще выучится надо, а ты совсем не думаешь об этом...

– А я – что делаю? Разве не учусь? – Миша удивленно посмотрел на мать. – Я, на следующий год в музыкальное училище хочу поступить.

– Давай-давай!.. Только, не отвлекайся от поставленных целей. А то, смотри, ничего у тебя – не получится!.. – Рина подозрительно глянула на непонимающего ее сына.

– Почему это – не получится? Я что, не оправдываю себя перед вами? Мама, папа?.. – он беззащитно посмотрел на родителей и, вдруг вспыхнув, добавил: – Я что – делаю что-то не то и не так? Так вы мне прямо так и скажите. Нечего вокруг да около – ходить?!

– Нет, ты все делаешь так как надо. Только с девочками тебе – надо бы подождать, если ты хочешь, чтобы у тебя хоть что-то в жизни получилось! Иван, ты-то, что все молчишь? Не пора ли тебе, с сыном поговорить?! – Рина раздраженно поджала губы и вышла из комнаты хлопнув дверью.

– Замучили мальчишку совсем, – пробурчала бабушка. – Оставьте вы его в покое! Дайте нормально пожить, он сам знает, что ему надо!.. Ладно, я пошла спать. Только, – она обернулась к Ивану. – Смотри, не перегни палку. Иначе, совсем другой результат получится. Обратный.

Отец с сыном остались в комнате одни.

– Понимаешь, Миша. Мама очень нервничает.

– А чего ей нервничать? Я же – не даю повода... – буркнул он.

– Она думает совсем иначе... – отец потер подбородок. – Ты давно дружишь с девочкой?..

– Нет. – Миша покраснел. – Так мама из-за Люси весь этот сыр-бор затеяла?.. – отец неопределенно пожал плечами. – Она – хорошая девчонка и только. Ей нравятся мои песни...

– А тебе? Тебе-то что в ней нравится?.. «Она – хорошая девчонка и только...» – передразнил отец сына. – Если б было «...и только...» то думаю, ты не привел бы ее домой...

– ...и мама не забила бы тревогу!.. – закончил за отца фразу Миша. – Хорошо, больше не буду ее приглашать домой, если вам это не нравится.

– Я совсем не это имел в виду... – попытался возразить отец.

– А что же? – Мишино лицо все горело пунцовой краской. – Другие ребята девчат давно в кино водят, на дискотеки ходят... а я – пару раз привел девчонку домой, из-за того, что на улице стоять и ждать, когда вернется кто-то из ее родителей – холодно... из-за этого и разгорелся весь сыр-бор!..

– А что, ключей у нее своих нет, что ли?.. – удивился отец.

– Ну, забывала она их на столике, в прихожей. С кем этого не бывает?!

– Раз такое дело – я ничего в этом предосудительного не вижу. Человека надо выручать, конечно... – отец глубоко вздохнул. – Я только, что, хочу сказать... – он снова задумчиво потер подбородок. – Ты у меня – понятливый парень. Мне очень не хочется, чтобы мой сын, потом

жалел или стыдился своих поступков. Понимаешь, – он бросил взгляд на сына, который сидел неподалеку от него и внимательно разглядывал рисунок висящего на стене ковра. – Иногда так случается, что сиюминутное довлеет над всем, что выстраивается на горизонте. В такие-то моменты, надо делать осознанный выбор, который и определяет наше будущее.

– Это я знаю... но, какое отношение твои слова имеют ко мне?.. – не понял Миша.

– Самое прямое. Ибо это, сиюминутное – может перечеркнуть напрочь все твои планы... Короче, прежде чем что-либо сделать, ты должен все основательно взвесить и решать – что тебе выбирать...

– Папа, ты так говоришь, будто Люся угрожает моей независимости... – догадался Миша. – Но, между нами – ничего такого... Во всяком случае, я не думал даже...

– А когда подумаешь, как говорит мама, – будет уже слишком поздно...

– Ну, знаешь, папа... – вспыхнул Миша, – Я не маленький давно...

– Маленький ты, или нет, – это одно, но у тебя сейчас очень сложный и противоречивый возраст, да и опыта житейского – маловато. Так что, надо бы прислушиваться и к старшим... А то, особенно в такое время, – все оставляется побоку. Сам был молодым...

– Извини папа, но со своим опытом – я как-нибудь сам разберусь. Мне кажется, я вам никогда не давал повода думать вот так... – в явной обиде, Миша все никак не мог найти подходящего слова, чтобы передать обуревающие им чувства. – Как бы вы ни хотели, а за меня мою жизнь – вы, все равно, прожить не сможете! Это только мое право, это только моя жизнь! Даже если и совершу в ней ошибки – это будут только мои ошибки! Мои!.. я не хочу быть рафинированным мальчиком!.. Не хочу быть ни маменькиным, ни папенькиным сыночком! Это моя жизнь и я, ее проживу так, как надо мне! – он вскочил с кресла и выбежал из комнаты, оставив отца сидеть на диване.

Минут через пять, Иван постучался в дверь сыновней комнаты и открыл ее.

– Миш, ладно, не дуйся. Ты у меня – мировой парень, и я – горжусь тобой!.. – он прошел в комнату и сел на кровать рядом с угрюмо молчавшим сыном. – Просто нам с мамой, как впрочем, и тебе – потом, будет очень жаль, если ты не достигнешь своей цели. ...Ты ведь знаешь, что нам – твои мечты – не безразличны! – обняв его за плечи добавил: – Мы верим, что ты – обязательно добьешься успеха, что у тебя – все получится!..

Миша по-детски, молча прильнул к отцу, разглядывавшему противоположную стену, сплошь заклеенную вырезками из различных журналов. Пестрый калейдоскоп перед глазами – от всевозможных моделей машин, до любимого ансамбля «Биттлз». В самом центре находилась старая афиша Владимира Высоцкого... Помнится, Иван сам, несколько лет назад, привез ее из Москвы. Тогда, находясь проездом в столице, он совершенно случайно наткнулся на своего приятеля, с которым служил на Балтике. Тот оказался знаком, чуть ли не со всем столичным бомондом (по крайней мере, он так утверждал...) – как же, работал в театре осветителем. Комнатка старого холостяка была буквально завешана афишами знаменитостей. Они лежали, валялись, стояли свернутые в рулоны... вот, и позаимствовал на радость сыну, который слушал его песни.

– Пап ты правда думаешь, что у меня все получится?

– А как же иначе? Ты у нас – упорный!.. Если чего захочешь – всего добьешься! – отец хмыкнул. – Помню тебе годика три было. У тебя игрушка закатилась под диван, и ты довольно долго пыхтел, стараясь ее достать. Наверное, больше получаса возился. Другой ребенок, на твоем месте, давно бы в рев ударился. Помогите, мол... А ты – нет. Я уж хотел обнаружить себя и помочь, я за тобой из-под прикрытых век наблюдал, дремал до этого. Но ты, как-то смекнул – пошлепал на кухню и приволок веник, которым после нескольких безуспешных попыток и зацепил игрушку.

Миша улыбнулся. Ему нравилось, когда кто-то из старших вспоминал, каким он был бутузом. В этих рассказах он выглядел непосредственным и с характером, и чего скрывать –

нравился себе. Будь у него брат, то он бы не прочь понынчится с таким деятельным малышом. Ему казалось, что с таким человечком и особых хлопот не должно было быть. Мише нравилась самостоятельность, и не нравилось, когда, как мама сегодня, указывали – что ему надо делать, а что – нет. Это самое больное его место. Обидно, что тут Мишины желания и потребности не учитывались вовсе... «Черт возьми, – думал он в такие моменты, – другие ребята всюю с девчонками развлекаются!.. А, что я – рыжий, что ли?..»

Когда Миша впервые из школы проводил Люсю до дому. Сам не заметил, как за разговором – увлекся, время пролетело незаметно. С ней интересно и не скучно. Не то что, когда они пару раз шли из школы втроем – Таня увязалась подобно хвосту за ними. Вот уж кто, как кроме себя самого, никого и не слышал. Да и, пожалуй, ей этого и не надо было. Зациклившись на Мишиной «известности и славе», она без умолку тараторила о разных знаменитостях и их лаврах, которые, как он подозревал, не давали ей покоя. Им с Люсей только и оставалось помалкивать, слушая Танины излияния на эту тему. Эти две девчонки до того разные, что его симпатии стократно перевешивали в Люсину пользу. Хотя, он должен признать, что Таня внешне кажется более привлекательнее. Хрупкая, с утонченными чертами лица, напоминает барышню с картины кисти художника девятнадцатого века. Ее навитые иссиня черные локоны обрамляют овал лица с белоснежной шелковистой кожей, до которой так и хочется дотронуться... «Ей бы еще утонченные манеры и Люсину деликатность, – размышлял Миша над поведением этих двух девушек. – Может, тогда бы, она и подходила на мой идеал...» Люсины тощие косички не шли ни в какое сравнение. Простоватое, широкоскулое лицо, на котором значительно выделяются лишь большущие светло-коричневые глазищи с загнутыми кверху длинными ресницами. Широкие брови вразлет и пухлые детские губы... нет, конечно, Люся никак не подходит на его идеал. Но, зато, с ней можно поговорить обо всем на свете. Абсолютно обо всем без исключения. И одно это, дает значительные преимущества в ее пользу. «Смуглянка» – так Миша называет Люсю про себя. Обе девчонки – худенькие, одного роста, но Люся рядом с Таней, кажется, внешне – тяжеловесней, что ли... но, в конце концов, для Миши это не имеет значения. Он же не собирается жениться, как видно подумала мама и забила тревогу... У него вся жизнь – впереди!.. «...надейся и жди!..» – хмыкнул про себя Миша.

Приглашение Люси на день рождения застало его врасплох. Изрядно помучившись над вопросом – что подарить?.. – Миша купил коробку шоколадных конфет. Явившись субботним вечером в точно назначенное время к виновнице торжества, он застал там чуть ли не половину класса. Ребята с девчонками танцевали под радиолу, а Люся, открывшая ему дверь, буквально поразила... та ли это девочка? Может, это умело использованная косметика преобразила ее, или прическа? В красивом нежно-голубом платье из прозрачного шифона, с распущенными волнистыми черными волосами по плечам, девушка напоминала сказочную фею.

– Что встал в дверях? Проходи же, наконец!.. – поторопила парня девушка. – Или так и будешь стоять на пороге?!

Миша тряхнул головой, будто стремясь отогнать видение:

– Людмила... у меня просто – нет слов!..

– Вижу!.. – насмешливо произнесла она. – Прямо остолбенел...

– Ну и ошаршила же ты меня! Ты ли это?.. Прекрасная незнакомка... – спохватившись, он протянул ей коробку конфет: – Ой, самое главное – забыл! С днем рождения тебя! Счастья тебе и исполнения желаний! – и он нерешительно чмокнул ее в щеку.

– Спасибо! Одно желание уже исполнилось!.. – именинница смущенно опустила глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.